

Если отмель пустынна и тихо кругом,
Он кричит, что акулы ему нипочем,
Но лишь только вдали заприметит акул,
Он забьется в песок и кричит караул!

— Совсем не похоже на то, что читал я ребенком в школе,— заметил Грифон.

— Я никогда этих стихов не слышал,— сказал Как бы.— Но, по правде говоря,— это ужасный вздор!

Алиса ничего не сказала; она села на песок и закрыла лицо руками; ей уж и не верилось, что все еще может снова стать как прежде.

— Она ничего объяснить не может,— торопливо сказал Грифон.

И, повернувшись к Алисе, прибавил:

— Читай дальше.

— А почему он идет на носочках? — спросил Как бы.— Объясни мне хоть это.

— В балет готовится, должно быть,— сказала Алиса.

Она и сама ничего не понимала. Ей не хотелось больше об этом говорить.

— Читай же дальше,— торопил ее Грифон.— «Шел я сам однажды...»

Алиса не посмела ослушаться, хоть и была уверена, что все опять получится не так, и дрожащим голосом продолжала:

Шел я садом однажды и вдруг увидал,
Как делили коврижку Сова и Шакал.
И коврижку Шакал проглотил целиком,
А Сове только блюдечко дал с ободком.

А потом предложил ей: «Закончим дележ —
Ты возьми себе ложку, я — вилку и нож».
И, наевшись, улегся Шакал на траву,
Но сперва на десерт проглотил он...

— Зачем читать всю эту ерунду,— прервал ее Как бы,— если ты все равно не можешь ничего объяснить? Такой тарбарщины я в своей жизни еще не слыхал!

— Да, пожалуй, хватит,— сказал Грифон к великой радости Алисы.

— Хочешь, мы еще станцуем? — продолжал Грифон.— Или пусть лучше Как бы споет тебе песню?

— Пожалуйста, песню, если можно,— отвечала Алиса с таким жаром, что Грифон только пожал плечами.

— О вкусах не спорят,— заметил он обиженно.— Спой ей «Вечернюю еду», старина.

Как бы глубоко вздохнул и, всхлипывая, запел.

Еда вечерняя, любимый суп морской!
Когда сияешь ты, зеленый и густой,
Кто не вздохнет, кто не поймет тебя тогда,
Еда вечерняя, блаженная еда!
Еда вечерняя, блаженная еда!